

И. И. ЛЯПУШКИН

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА.

(По материалам полевых исследований 1938, 1940, 1945 и 1946 гг. в бассейне р. Ворсклы)

В 1946 г. Днепровская левобережная археологическая экспедиция закончила сплошное обследование большей части бассейна р. Ворсклы (от с. Каменка Харьковской обл. до с. Переволочны), начатое в 1938 г. под руководством П. Н. Третьякова и продолженное нами в 1940, 1945 и 1946 гг. Результаты работы 1940 и 1945 гг. частично уже опубликованы, частично выйдут из печати в ближайшее время.¹

В данной статье мы считаем необходимым не только ознакомить с работой 1946 г., но и поделиться некоторыми общими выводами, основанными на материалах, собранных за эти годы.

Не останавливаясь на раскопочных работах, проведенных на Полтавском поселении, результаты которых освещены в специальной статье, мы сосредоточим наше внимание на результатах разведки по маршруту г. Полтава — с. Переволочна (устье р. Ворсклы). Как и в предыдущие годы, сплошному обследованию были подвергнуты оба берега реки и нижнее течение ее притоков (реки Тагамлык, Кобелячка и др.). Археологические памятники, обнаруженные в обследованном районе, принадлежат к тем же трем хронологическим группам, какие отмечены и в бассейне среднего течения Ворсклы: 1) скифскому времени VII—II вв. до н. э. (памятники зольничной культуры); 2) II—IV вв. н. э. (памятники культуры «полей погребений»); 3) VIII—X вв. (памятники славянской культуры). Для II в. до н. э. — II в. н. э. и V—VII вв. н. э. никаких остатков оседлой жизни в обследуемом районе, как и на территории остальной части бассейна, не обнаружено. Кроме памятников эпохи железа встречен ряд поселений эпохи бронзы. Поскольку последние не являются предметом нашего исследования, мы на них останавливаться не будем.

Материалы, собранные при обследовании всех трех групп памятников, а также полевые наблюдения не содержат ничего нового по сравнению с материалами, собранными на поселениях среднего течения р. Ворсклы. В силу этого мы не считаем нужным еще раз подробно останавливаться на их характеристике и дадим лишь краткое их описание, а всех интересующихся этим вопросом отсылаем к нашим отчетам 1940 и 1945 гг.²

¹ И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. КСИИМК, вып. XII; он же, Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, XVII; он же, Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы, КСИИМК, XIX.

² КСИИМК, вып. XVII и XIX.

Памятники скифского времени, обнаруженные в районе нижнего течения р. Ворсклы, представлены поселениями-селищами. Наряду с селищами, содержащими в себе зольники обычного типа, округлые, слегка всхолмленные, характерные пятнами особой окраски по сравнению с остальной территорией, в обследуемом районе нами было осмотрено два селища (у хут. Паленая Балка и у Тараниева Яра) с зольниками-курганами, представляющие собою настоящие курганные поля. Первое селище (у хут. Паленая Балка) обследовано впервые, второе хорошо известно по работам М. Я. Рудинского. Высота некоторых насыпей достигает 1,5—2 м при диаметре 20—25 м. Лишь внимательное обследование поверхности насыпей и их окружения дает возможность разобраться в них и не принять за курганы в собственном смысле, как это сделал в свое время В. Е. Данилевич, раскопавший в бассейне верхнего течения р. Ворсклы зольничное поселение под видом курганов неолитической поры.¹ Всего по маршруту Полтава — Переволочна экспедицией было обследовано девять памятников, содержащих следы зольничной культуры, из них восемь ранее не известных. Семь памятников расположены на правом берегу и один на левом.

Правый берег: 1. Селище близ с. Супруновка Полтавского района;
2. Селище севернее с. Н. Млины Полтавского района;
3. Селище близ хут. Паленая Балка;
4. Селище близ хут. Паленая Балка (с зольниками курганного типа);
5. Селище близ хут. Гандяка Н.-Сенжарского района;
6. Селище близ с. Кунцево Н.-Сенжарского района;
7. Селище близ с. Н. Сенжары, у дома отдыха.
Левый берег: 8. Селище у с. Бойковки.

Основную массу материала, собранного при обследовании, составляют черепки глиняной посуды. Большая часть их принадлежит сосудам зольничной культуры: кухонным горшкам со щипковым орнаментом по краю венчика и налепному валику и сквозными отверстиями несколько ниже края венчика, лощеным мискам с венчиком, загнутым внутрь, лощеным сосудам с геометрическим орнаментом, инкрустированным белой пастой, и некоторым другим формам. Небольшой процент составляют черепки античных амфор. Из других вещей следует отметить глиняные поделки в виде пряслиц или грузил.

Вторую хронологическую группу обследованных памятников составляют поселения культуры «полей погребений». По своему виду это также открытые поселения-селища, но только размещенные в несколько иных географических условиях. Они находятся в долине р. Ворсклы и ее притоков — на склоне первой надпойменной террасы, чуть-чуть выходя на ее плато и спускаясь к пойме. Экспедиция обследовала четыре неизвестных селища этой группы. Два из них на правом берегу (у с. Н. Сенжары и у с. Кобеяки) и два — на левом (у с. Писаревки и у с. Сухиновки). Кроме того экспедиция обследовала местоположение могильника этой культуры у с. Писаревки, случайно открытого весной 1946 г. при проведении хозяйственных работ. Экспедиция зафиксировала разрезы земляных выработок со следами могильных ям и собрала дополнительный вещевой (керамический) материал. Найдены также кости разрушенных костяков, свидетельствующие о том, что погребение совершалось по обряду трупосложения.

Как и поселения зольничной культуры, поселения «полей погребений» бассейна нижнего течения р. Ворсклы не дали ничего нового ни в отно-

¹ В. Е. Данилевич. Раскопки курганов около с. Буд и хут. Березовки Ахтырского у. Тр. XII АС, т. I.

шении собранного керамического материала, ни в отношении характера самого поселения. Собранный материал состоит из черепков лепной и гончарной посуды. Первые немногочисленны и невыразительны. Ведущее место принадлежит черепкам гончарной посуды черняховского типа. Среди них есть и фрагменты римских амфор.

Самую позднюю хронологическую группу среди обследованных памятников составляют раннеславянские поселения — городища VIII—X вв., обнаруженные в районе с. Ст. Сенжары. Одно из них, известное по материалам, опубликованным В. Г. Ляскоронским под названием «Городок», расположено в 3—4 км к СВ от с. Ст. Сенжары. Второе, вновь открытое, — на северо-восточной окраине того же села возле колхозного двора. Материал, собранный на «Городке», невелик и маловыразителен, но черепки горшков подобного типа обнаружены и на смежном городище у с. Ст. Сенжары в комплексе с материалами ясно выраженной роменской культуры. Керамика обоих городищ исключительно лепная, раннеславянская. Следов великокняжеской поры, равно как и дославянской, на городищах не обнаружено.

Рассмотренные нами три группы поселений бассейна нижнего течения р. Ворсклы по своему культурному облику не стоят особняком среди памятников бассейна р. Ворсклы в целом. Совершенно аналогичные три группы поселений нами были выявлены в 1940 г. в бассейне среднего течения р. Ворсклы (Бельск — Полтава), в 1945 г. в бассейне р. Коломак (левый приток Ворсклы) и части среднего течения р. Ворсклы (район Полтавы). В 1938 г. в бассейне верхнего течения р. Ворсклы, от с. Каменка до с. Бельск, П. Н. Третьяков обнаружил те же группы поселений, за исключением поселений, относящихся к первым векам новой эры. Никаких других поселений для эпохи железа на территории обследованной части бассейна р. Ворсклы не было обнаружено. Таким образом, по своему археологическому облику Поворсклье в эпоху железа на всех этапах выступает как единое целое. Как к единому целому мы и пытаемся подойти к нему и при подведении некоторых итогов и напрашивающихся выводов.

Прежде всего следует остановиться на выяснении характера развития исторического процесса в эпоху железа в Поворсклье; попытаться проследить, насколько исконно сидело в этом крае обитавшее здесь в VIII—XIII вв. славянское население, хорошо известное нам по археологическим памятникам; выяснить отношение этого населения к предшествующему. Для решения этого вопроса имеются полевые наблюдения и собранный вещевой материал. Уже из изложенного выше вполне очевидно, что жизнь оседлого населения в крае на исследуемом хронологическом отрезке протекала далеко не прямолинейно, что в ней наблюдаются длительные перерывы. Для времени от VII—VI вв. до н. э. до монгольского завоевания в жизни местного оседлого населения прослеживается три следующих периода, не связанных между собой непосредственной преемственностью: первый — от VII до II в. до н. э. (скифское время), второй — от II до IV в. н. э. и третий — от VIII в. до монгольского завоевания (славяно-русский период). Для времени II в. до н. э. — II в. н. э. и V—VII вв. никаких следов поселений оседлого типа в течение всех лет нашей работы не было выявлено. Не известны они и из работ наших предшественников. Конечно, это вовсе не значит, что в указанное время жизнь совсем замирала в этой полосе.

Помимо ясно выраженных памятников оседлого населения (поселений) в Поворсклье есть еще одна категория памятников — курганы. В подавляющей массе они не связаны с памятниками оседлого населения (поселениями). Как правило, они расположены в удалении от поселе-

ний, в степных уголках (нижнее течение рек Коломака, Ворсклы). Мы не располагаем данными для их датировки (курганы не раскапывались), однако не исключена возможность принадлежности их как раз тому времени, когда в крае прекращалась жизнь оседлого населения.

Какова же взаимосвязь населения трех отмеченных периодов? Изложенное выше дает основание утверждать, что ни одна из рассматриваемых нами групп населения не стоит в непосредственной связи с другой.

Не имея, пока что, возможности нарисовать развернутую картину жизни населения Поворскля, его быта и общественного строя, мы отметим лишь некоторые моменты ее развития в той мере, в какой это позволяет собранный нами материал.

С VII по II в. до н. э. территория Поворскля была занята оседлым, сравнительно многочисленным населением. На линии протяженностью около 300 км выявлено около 50 поселений. Эта цифра должна быть увеличена не менее чем на 25% за счет невыявленных и разрушенных памятников. Если допустить, что каждое из поселений существовало третью часть времени существования всей культуры зольников (т. е. около 150 лет), то на каждый такой отрезок времени падает около 20—25 поселений (одно поселение на 12—15 км).

В конце I тысячелетия до н. э. (около II в.) жизнь этого населения в Поворскле обрывается. Следы этой исчезнувшей из бассейна р. Ворсклы культуры, как нам кажется, отыскиваются за пределами Поворскля, значительно севернее — в полосе собственно лесостепи, по линии Воронеж — Курск — Путивль. В нижних слоях ряда славянских городищ роменско-боршевской культуры (Б. Боршевское Воронежской обл., Гочевское Курской обл., Дроголевское городище у с. Волынцева б. Путивльского уезда) и на некоторых городищах собственно роменской группы в качестве «случайного» материала обнаружена лепная керамика — кухонные горшки со щипковым орнаментом по краю венчика и сквозными отверстиями несколько ниже его и серые, плохо лощеные миски. Изучение ее показало, что перед нами хорошо знакомая позднезольничная керамика. Не делая из этого какого бы то ни было окончательного вывода, можно предположить, что население Поворскля, в силу каких-то причин в конце I тысячелетия до н. э. покинувшее его, несколько передвинулось к северу. Сложность решения данного вопроса заключается в том, что указанным материалом никто (в том числе и мы, несмотря на то, что провели не одно лето в той полосе) до сего времени не занимался и не интересовался ни датировкой, ни местом его среди других памятников, вследствие чего он не нашел соответствующего отражения в нашей археологической литературе. Б. А. Рыбаков, публикуя горшок такого типа,¹ датирует его III — IV вв. н. э., ничем не мотивируя своего положения.

Трудно сейчас указать, какими причинами могла быть вызвана предполагаемая выше передвижка населения Поворскля к северу. Лишь в качестве догадки, опираясь на подобные явления последующей поры, имевшие место в той же полосе, можно указать на появление в этот период в южнорусских степях кочевников-сарматов, которые могли нарушить мирный труд оседлого населения и вынудить его отступить из пограничной полосы лесостепи и степи к северу, в собственно лесостепь.

После исчезновения населения, оставившего памятники зольничной культуры, оседлое население в Поворскле прослеживается вновь лишь в памятниках культуры «полей погребений» II—IV вв. Нам известно в исследуемом районе пока всего шесть поселений и три могильника данной культуры. Все они расположены в пограничной

¹ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, № 1 (6), 1939, стр. 325.

полосе лесостепи и степи. Среди собранных материалов на поселениях этой культуры никаких следов преемственности от зольничной культуры проследить не удалось.

Судя по материалам исследованного могильника близ дер. Кантемировка,¹ есть основания полагать, что население, оставившее памятники культуры «полей погребений» типа Кантемировка, в своем дальнейшем развитии в какой то мере явилось одним из слагаемых в формировании населения VII—X вв. пограничной черты лесостепи и степи, создавшего так называемую салтово-маяцкую культуру. Не говоря уже о том, что памятники этих культур географически расположены в одной полосе (одни восточнее, другие западнее), в них можно подметить некоторые черты преемственности в обряде захоронения (катакомба), в гончарной посуде (форма, техника изготовления, орнаментация) и другом сопровождающем инвентаре.

Наш подход к решению вопроса о месте в историческом процессе населения, оставившего памятники культуры «полей погребений» в Поворсклье, расходится с сторонниками сплошного зачисления памятников этой культуры в славянские. Мы считаем, что сторонники такой точки зрения допускают одну весьма существенную ошибку, которая приводит их к неправильным выводам. За однообразными предметами украшения и керамикой, скрывающей за собой разноплеменное население громадной территории, они не замечают местных особенностей, свойственных населению различных районов, и зачисляют все население в единую этническую группу. Правда, вследствие плохой изученности памятников эти особенности не всегда улавливаются. В Кантемировском могильнике, относимом к той же культуре «полей погребений», благодаря высокой технике исследования местные особенности удается проследить хорошо и на этой основе найти место населения, оставившего могильник, в историческом процессе. Эти местные особенности дают основание выделить Кантемировский могильник из группы памятников культуры «полей погребений» типа Черняхово (Правобережная Украина), связываемых со славянской культурой, несмотря на наличие в нем ряда черт, свойственных этой группе.

Отсутствие непосредственной связи между населением, оставившим памятники «полей погребений» в Поворсклье, и славянским населением Поворсклья подтверждается археологическими памятниками последующей поры.

Оседлое население последнего, славянского периода, судя по таким известным памятникам, как Опошнянское городище, Полтавское, Старо-Сенжарское, Глинское, и некоторым другим, более северным, например Петровское, появилось здесь около VIII в. Это положение, в свое время выдвинутое П. Н. Третьяковым, нашло подтверждение в памятниках, исследованных нами.

Но, отрицая генетическую связь между населением, оставившим памятники типа «полей погребений», и появившимся здесь в VIII в. славянским населением (так называемыми роменцами), П. Н. Третьяков тем самым вовсе не отрицал этнического родства между ними. Он утверждал, что население, оставившее памятники типа «полей погребений», было также славянским, но только южной группой восточного славянства, этнически оформившейся значительно ранее, чем группа северных славян, к которой он относит и пришедших сюда «роменцев».²

¹ Михайло Рудинський. Кантемирівські могили римської доби. Зап. всукр. археолог. ком., т. I, Київ, 1931.

² См.: П. Н. Третьяков. Северные восточно-славянские племена. МИА СССР, вып. 6.

Основные положения П. Н. Третьякова о культуре «полей погребений» сводятся к следующему:

1) «... археологический материал как будто бы свидетельствует об автохтонности населения, оставившего „поля погребений“ Среднего Поднепровья». ¹ В эту территорию Среднего Поднепровья П. Н. Третьяков включает и исследуемый нами район Полтавщины.

2) «... Неизвестно, что следует за культурой „полей погребений“, какой материал заполняет трехвековой промежуток между „полями“ и памятниками эпохи возникновения Древней Руси». . . . «Единственно, на что можно опереться, пытаюсь подойти к решению вопроса о дальнейшей судьбе населения „полей погребений“, — это мнение В. В. Хвойка о генетической связи этого населения с населением средневековой Руси, что было установлено им на основании изучения многочисленных городищ». ²

Свои положения П. Н. Третьяков заключает выводом: «Следовательно, огромный этнический массив, занимавший Среднее Поднепровье в начале и середине I тысячелетия н. э., сложившийся в предыдущие столетия из многочисленных скифских земледельческих племен и их ближайших соседей, проблематично можно рассматривать как массив древнеславянский». ³

Не знаем, в какой мере изложенные выше мысли П. Н. Третьякова в отношении населения, оставившего памятники «полей погребений», найдут подтверждение в конкретном археологическом материале Правобережья и северной полосы Левобережья. В свете данных, собранных нами в исследуемом районе Левобережья, они не отражают действительности и нуждаются в пересмотре. Как мы показали выше, культура «полей погребений» нашего района не имеет непосредственной связи с культурой населения скифской поры (так называемой зольничной). П. Н. Третьяков заявляет: «По утверждению В. В. Хвойка, которое никем не было опровергнуто, культурные остатки эпохи „полей погребений“ имеются на многих среднеднепровских городищах, восходящих к скифской поре». ⁴ Насколько верны эти доводы в широком плане, мы не беремся судить. Возможно, на Правобережье подобные факты и наблюдаются. Что же касается исследуемого нами района, то здесь ни на одном поселении скифской поры (а нами было обследовано около 40 поселений, в том числе 5 городищ) никаких следов культуры «полей погребений» встречено не было. Никаких признаков преемственности культуры «полей погребений» от зольничной культуры не нашли мы и в материалах поселений культуры «полей погребений». Но даже если на городищах скифской поры наблюдались бы отложения культуры «полей погребений», или какой-либо другой более поздней культуры, значит ли это, что они непременно должны стоять в генетической связи? Поучительны в этом отношении материалы, собранные при раскопках Полтавского поселения летом 1946 г. ⁵ Полтавское поселение содержит остатки двух культур — зольничной и славянской. Взаимоотношение этих культур до раскопок 1946 г. было не ясно. Раскопки 1946 г. показали, что зольничная и славянская культуры не стоят в непосредственной преемственной связи. Между тем мы знаем, что ряд исследователей, как и В. В. Хвойка, исходя из многослойности поселений, утверждают непосредственную преемственность одной культуры от

¹ П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 10.

² Там же, стр. 11.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 10.

⁵ И. И. Ляпушкин. Раннеславянское поселение VIII—XIII вв. на территории Полтавы. Киев, 1949.

другой. Наиболее ярко эта мысль в отношении исследуемого нами района выражена у В. В. Мавродина.¹

Итак, материалы Поворскля ясно свидетельствуют, что население этого района, оставившее памятники «полей погребений», не стоит в непосредственной связи с населением зольничной культуры. Между ними должно стоять еще одно неизвестное нам пока звено.

В свете археологических данных, собранных нами, не может быть принято и заключительное положение П. Н. Третьякова — проблематично рассматривать население, оставившее памятники «полей погребений», «как массив древнеславянский». Здесь мы считаем необходимым подчеркнуть еще раз, что речь идет о населении, оставившем памятники «полей погребений» лишь на территории исследуемого нами района, в силу чего сделанные нами выше выводы ни в какой мере не относятся ни к Правобережью, ни к северным районам лесостепи Левобережья, где культура «полей погребений» имеет свои особенности и исторический процесс протекал, повидимому, несколько иными путями.

В связи с вопросом появления в исследуемом нами районе в VIII в. славянского населения (так называемых роменцев), этой третьей группы оседлого населения изучаемого периода, считаем необходимым остановиться и еще на одном положении П. Н. Третьякова, которое неверно отражает исторический процесс в крае. Речь идет о наличии в Поворсклье местного славянского населения (южной ветви) накануне заселения в VIII в. края славянами пришельцами («роменцами»). П. Н. Третьяков так формулирует свое положение: «В результате заселения пришельцами берегов Сулы, Ворсклы и, возможно, других смежных районов северные области отнюдь не лишались сплошного населения, не пустели, а население южных районов не отступало перед пришельцами (разрядка наша, — *И. Л.*). Это была, повидимому, передвижка к югу, своего рода волна, лишь незначительно переместившая восточнославянские племена, мало изменившая этнографическую карту, особенно на севере. Но эта волна глубоко отразилась на процессе этногонии. Подвижка способствовала консолидации не только северных племен, но и всех восточнославянских племен, ранее распадавшихся на две обособленные группы: северную и южную».²

Мы не будем касаться здесь вопроса о консолидации восточного славянства в целом, затронутого П. Н. Третьяковым. Это большая и сложная тема (о двух этапах этногенеза восточного славянства). Мы остановимся лишь на одной его стороне, отмеченной нами выше, — о наличии в Поворсклье в VII—VIII вв. южной ветви славян, более высокой по своей культуре, чем северная, накануне прихода славян «роменцев».

Как уже отмечалось, собранные материалы вполне подтверждают тезис П. Н. Третьякова, что в Поворсклье около VIII в. появляется славянское население, оставившее памятники так называемого роменского типа, причем ни на одном славянском («роменском») поселении Поворскля, как утверждает П. Н. Третьяков и что подтверждают собранные нами материалы, «не было встречено под роменским слоем никаких культурных остатков предшествующих VII—VIII в. н. э.»³ Другими словами, П. Н. Третьяков утверждает здесь, что «роменцы» заняли в бассейне Ворсклы места, свободные от населения. П. Н. Третьяков не дает прямого ответа, в силу каких причин создалось такое положение: или в Поворсклье в это время не было оседлого населения и «роменцы» оказались

¹ В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940, стр. 55 и др.

² П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 34.

³ Там же, стр. 32.

хозяевами в полном смысле слова и селились где хотели, или же население здесь было, но «роменцы» не хотели смешиваться с аборигенами? Но если вдуматься в содержание приведенной выше цитаты, то ответ можно пайти. Он прямо отмечает, что «... население южных районов (т. е. Посулья и Поворскля. — *И. Л.*) не отступало перед пришельцами»,¹ — значит оно было. На чем основан вывод П. Н. Третьякова? Какие памятники имеет он в виду, когда говорит о населении VI—VII вв. в Поворскляе? В работе П. Н. Третьякова этих обоснований мы не нашли, а имеющиеся соображения, относящиеся к характеристике указанного периода, говорят о картине прямо противоположного порядка. Мы уже приводили выше в другой связи одно место из рассматриваемой работы. Приведем его еще раз. «Неизвестно, что следует за культурой „полей погребений“, — пишет П. Н. Третьяков, — какой материал заполняет трехвековой промежуток между „полями“ и памятниками эпохи возникновения Древней Руси. Отдельные вещи этой эпохи, происходящие из случайных находок или старых раскопок, не могут послужить основанием для каких-либо серьезных выводов. Единственно на что можно опереться, пытаясь подойти к решению вопроса о дальнейшей судьбе населения „полей погребений“, — это мнение В. В. Хвойка о генетической связи этого населения с населением средневековой Руси, что было установлено им на основании изучения многочисленных городищ».² Нам кажется, что приведенные выше материалы Поворскляе не подтвердили мнения В. В. Хвойка в отношении исследуемого нами района, и тем самым рушится та «единственная опора», за которую держится П. Н. Третьяков.

Мы должны были задержаться на разборе некоторых положений П. Н. Третьякова в отношении понимания исторического процесса в Среднем Поднепровье I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э. в свете изученных нами материалов применительно к Поворскляю. Хотя взгляды П. Н. Третьякова изложены в общей схематической форме, часто без должного обоснования, работа, как известно, посвящена северным восточнославянским племенам и Среднее Поднепровье рассматривается лишь как введение, все же пройти мимо них нельзя, ибо они нашли широкий отзвук в нашей научной среде, в частности в Ленинграде.³ В нашем разборе, исходя из источников, мы стремились показать, что Среднее Поднепровье нельзя брать как единое целое, что исторический процесс в разных районах Среднего Поднепровья и даже одного Левобережья протекал, повидимому, далеко не однородно, в силу чего отдельные положения и мысли П. Н. Третьякова, высказываемые по отношению ко всему Среднему Поднепровью, не отражают истинных исторических событий, протекавших в отдельных районах, и, в частности, в исследуемом нами районе.

Но вернемся к рассмотрению последующих событий в жизни Поворскляе, как они вырисовываются в свете изложенных материалов.

К концу IV в. теряются следы жизни населения «полей погребений». В рамках исследуемого района мы не находим ответа на вопрос: что стало с обитателями долины р. Ворсклы и ее притоков. Лишь в памятниках более поздней поры (VII—IX вв.), так называемой салтовской культуры, как будто отыскиваются некоторые отзвуки культуры «полей погребений» Поворскляе: катакомбный обряд захоронения типа Кантемировка, керамика. Вот и все. Требуется много поработать в поле, прежде чем можно будет сказать, насколько верны или неверны наши предположе-

¹ П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 34.

² Там же, стр. 11.

³ В. В. Мавродин, ук. соч.; он же. Образование древнерусского государства. Л., 1946.

ния. Мы подчеркиваем «в поле», — это первое условие. Мы совершенно не знаем, насколько Кантемировский памятник является типичным для левобережных «полей погребений», а других исследованных памятников этой культуры здесь пока нет. Исчезновение культуры «полей погребений» падает на то время, когда в южнорусских степях прокатилась грозная волна гуннского движения, вслед за которой последовали новые, не менее тяжелые по своим последствиям, волны кочевников Азии.

Лишь с наступлением в степях затишья около VIII в., в связи с образованием Хазарского каганата, в Поворсклье вновь появляется оседлое население, на этот раз в лице народа, этнический облик которого имеется возможность определить на основе археологических памятников со всей полнотой. Это восточные славяне, так называемые роменцы. Мы не беремся сейчас отвечать на вопрос, откуда передвинулось славянское население в Поворсклье, ибо ответ на него лежит за пределами края, над которым мы сейчас работаем. Это сложная тема, связанная опять-таки с большими полевыми изысканиями.

Следует отметить, что ответ на этот вопрос, предложенный П. Н. Третьяковым,¹ не обоснован, он требует дополнительной аргументации. Как известно, П. Н. Третьяков считает, что население северо-восточных районов Левобережной Украины VIII—X вв., оставившее археологические памятники в виде городищ роменского типа, передвинулось в эти районы с севера (с Десны). Одно из главных доказательств этого положения он видит в материалах из курганов у с. Буд и хут. Березовки, раскопанных В. Е. Данилевичем, которые он характеризует следующим образом: «Инвентарь курганов у с. Буд и хут. Березовки имеет, повидимому, деснинское происхождение. Здесь встречена грубая лепная посуда в виде плоскодонных горшков и, наконец, тарелок. Сосуды орнаментированы по венчику сквозными отверстиями, ямками и ногтевидными вдавлениями. Обрезу венчика приданы волнообразные очертания. Все эти черты характерны для керамики деснинских городищ VII—VIII ст., лежащей в основании роменского слоя. Не противоречат этой дате и деснинскому происхождению найденные здесь обломки керамики с черной лощеной поверхностью, которая, как мы уже знаем, имела в эту эпоху широчайшее распространение в среде восточнославянских племен. Наиболее ярким материалом, говорящим о деснинском происхождении населения, оставившего эти курганы, являются найденные здесь многочисленные глиняные блоки, загадочные глиняные изделия деснинских городищ, конической, биконической, округлой и других форм».²

Мы не будем останавливаться подробно на разборе только что цитированных положений П. Н. Третьякова. Это сделано нами в другом месте.³ Выводы, к которым мы пришли, сводятся к следующему:

1. Керамика, поделки из глины и весь остальной материал, добытый при раскопках курганов у с. Буд, является типичным материалом позднелазьничных поселений и ничего общего с материалами деснинских городищ (исследованных Гатцуком и Левенком), что давало бы основание для установления генетической связи между этими двумя группами памятников, не имеет.

2. Характер материала, добытого у с. Буд, и строение раскопанных «курганов» позволяют утверждать, что В. Е. Данилевич раскопал

¹ П. Н. Третьяков, ук. соч.

² Там же, стр. 33.

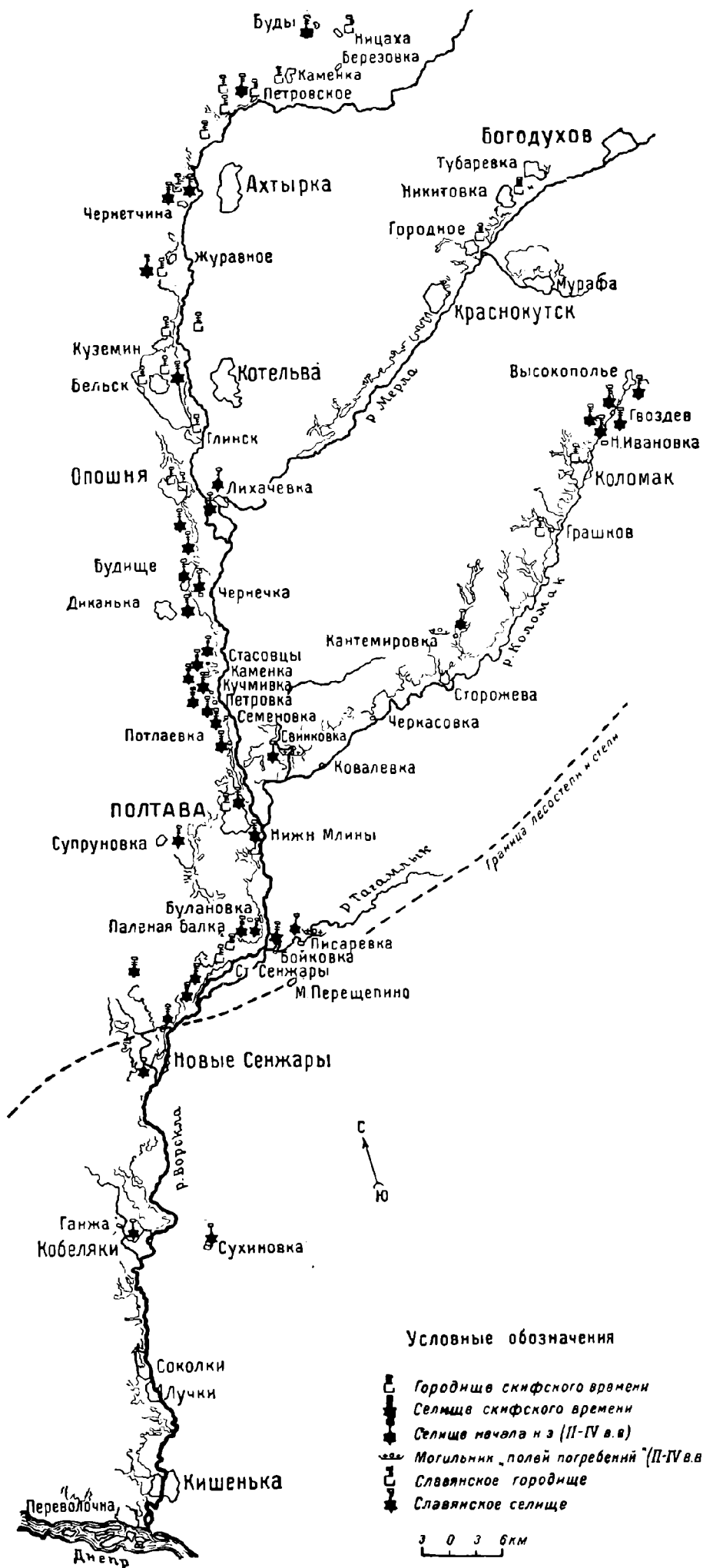
³ В докладе «Итоги полевых исследований 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них». Краткое содержание доклада см.: Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. Отделение истории и философии. Изд. АН СССР, М. — Л., 1947 г., стр. 82—84.

у с. Буд не курганы с трупосожжением неолитической поры, как лично он предполагал, и не славянские курганы VII—VIII вв., как утверждает П. Н. Третьяков, а самое настоящее поселение позднезольничного типа (IV—II вв. до н. э.) с зольниками курганной формы. Поселения-зольники этого типа широко распространены в бассейне р. Ворсклы. Из наблюдений 1946 г. укажем на селища такого типа у хут. Паленая Балка и у Тараниева Яра.

В свете этих данных утверждение П. Н. Третьякова о деснинском происхождении «роменцев» теряет почву и требует новых доказательств. Мы вовсе не хотим отрицать передвижку «роменцев» с Десны. Однако если основываться на материале, только что проанализированном нами, то из этого логически следует: 1) если роменская культура сложилась на базе культуры типа вскрытой в так называемых курганах у с. Буд, то территорией ее сложения должна быть не Десна, где памятники этой культуры не известны, а лесостепная полоса; 2) если же настаивать на деснинском происхождении роменской культуры, то истоки ее (генетические) следует искать не в культуре типа вскрытой в так называемых курганах у с. Буд (позднезольничной), которая не имеет никакой связи с Подесеньем, а в какой-то иной, присущей Подесенью в VI—VII вв. В этом мы окончательно убедились, просмотрев материалы Деснинской экспедиции 1946 г., любезно предоставленные М. В. Воеводским.

Трудно поддается освещению и жизнь славянского населения в Поворсклье от VIII до XIII вв. (т. е. до монгольского нашествия): была ли это одна непрерывная линия развития или в этот период жизнь здесь иногда прерывалась. По некоторым данным есть основания полагать, что славянскому населению приходилось не раз оставлять насиженные места. Повидимому, падение Хазарского каганата вновь усилило активность кочевников (печенегов, половцев), и Поворсклье — как район, прилегающий непосредственно к степям, — было наводнено ими. Попытаемся напомнить некоторые факты из истории славянских поселений как Поворсклья, так и смежных, прилегающих с востока районов. Как известно, в VIII в. пограничная полоса между степью и лесостепью (по линии Воронеж—Харьков—Полтава) была заселена славянскими племенами «роменцами». Археологическое исследование ряда поселений в районе Воронежа (Б.-Боршевского, М.-Боршевского, Шиловского, у Кузнецовой дачи, у Михайловского кордона), а также в бассейне р. Ворсклы (Петровское, Опошнянское, Полтавское) показывает, что жизнь на большинстве из них длилась недолго — одно-два столетия. Основная масса прекратила существование в X в. Повидимому, оседлая жизнь в этом районе была возможна, пока юго-восток находился под контролем Хазарского каганата. В X в. под ударами войск Святослава Хазарский каганат теряет значение на юго-востоке, и пограничная полоса степи и лесостепи оказывается во власти кочевников. Известно, что в этот же период, VII—X вв., в той же полосе, но только со стороны степи, существовали поселения салтово-маяцкой культуры (Маяцкое городище, Саловка, Салтово и некоторые другие). Возникнув в VII—VIII вв., они прекратили свое существование также в X в., т. е. одновременно со славянскими и, вероятнее всего, по одним и тем же причинам.

Однако не на всех славянских поселениях, возникших в этой полосе в VIII в., жизнь прекращается в X в. На некоторых из них (Донецкое, Ницаха, Петровское, Глинское, Полтавское) прослеживаются и более поздние следы обитания — XI—XIII вв. К сожалению, небольшой объем раскопочных работ и не всегда хорошо поставленная полевая документация не позволяют проследить, как протекала жизнь на этих поселениях. Судя по раскопкам Петровского городища (П. Н. Третьякова

Поселения эпохи железа в бассейне р. Ворсклы (схема).

1938 г.) и Полтавского (наши раскопки 1946 г.), культурные отложения XI—XIII вв. как будто не стоят в непосредственной связи с отложениями VIII—X вв. При раскопках Полтавского поселения (1946) выявлено, что на развалинах землянки роменской культуры (VIII—X вв.) была сооружена землянка XI—XII вв., причем строители последней, повидимому, не знали о существовании на этом месте землянки в прошлом. Об отсутствии единой линии в развитии славянской культуры, по данным раскопок 1946 г., говорит и отсутствие преемственности в развитии керамики, а также и некоторых других элементов культуры этих двух периодов в жизни населения. Небольшой объем работ на Полтавском поселении не дает оснований делать какой-либо окончательный вывод, но в свете всего изложенного можно предполагать, что и Полтавское и Петровское поселения, а может быть и некоторые другие, существовавшие в период VIII—XIII вв., не шли в своем развитии непрерывной линией, а неоднократно оставлялись и вновь заселялись в зависимости от состояния жизни в степной полосе. Это предположение, как и ряд других, изложенных выше, требует дальнейшего изучения непосредственно на полевых материалах. Только накопление фактов даст возможность осветить сложную историю края, на протяжении многих веков находившегося под непрерывным воздействием двигавшихся в степях кочевнических народов.
